

О РУССКОМ МЕССИАНИЗМЕ *)

“Знаете ли вы, кто теперь во всей земле единственный народ “богоносец”, грядущий обновить и спасти мир именем Нового Бога и кому единому даны ключи жизни и нового слова?”

(“Бесы”. Достовский.)

Нормальный и обыденный ход исторического развития, в известные критические моменты его, перерезывают короткие экстраординарные катастрофические эпохи. Тогда срывается пелена привычной обыденности и человечеству становится видным то, что не видно в его органические периоды развития. У начала такого перерыва стоит современное человечество. В этом исключительная значительность и чрезвычайность переживаемого всемирно - исторического момента. Но тут же и грозное явление отсутствия у нас, людей этой эпохи, сознания и ощущения этой значительности и экстраординарности переживаемого. Когда нужно напряженнейшим образом бодрствовать, мы безнадежно спим, когда надо бить какую то апокалиптическую тревогу, мы не выходим из под власти серой, обывательской, “деловой” повседневности. В этом роковое противоречие критических переходных эпох: ничтожество людей и величие всемирно - исторического момента, трагический конфликт объективной и субъективной стороны исторического процесса. Когда наши будущие потомки, обретя нужную историческую дистанцию, будут глядеть из своего

*) Некоторые выборки из этой статьи, написанной для “Утверждений” — были помещены в одном эмигрантском журнале, в порядке информации.

временного далека на нашу эпоху, им будут представляться особенные контуры ее, как бы выделяющиеся на горизонте гигантские изломы гор, как бы могучая возвышенность среди равнин, уходящих в прошлое веков. Но они не будут видеть, какие ничтожные люди жили в это время. И не видя нас, а лишь эти гигантские размеры нашей переломной катастрофической эпохи, они наделят и нас размерами ее значительности; и мы тогда в их глазах предстанем какими то великанами, героями, землю потрясающими исполинами. Им будет непосредственно видна вся значительность, весь экстраординарный смысл наступившей критической эпохи. А мы не видим, ибо живем в лесу ее событий и из за деревьев не видим и не можем видеть леса ее. Мир, осуществив дело величайшей цивилизации, стоит на огромной высоте. Грандиозны возможности, открывающиеся отсюда, но столь же страшно своими последствиями, возможное с этой высоты падение. Отсюда слепительные лучи надежд и зловещие тени, которые посменно бороздят наше, роковым образом нависшее, историческое небо; отсюда непрерывно двоящийся, неуловимый — то зловещий, то загадочный безумной мечтой, лик века. Отсюда лихорадочное метание взвинченного социально - политического сознания, отсюда все учащающееся дыхание напряженного организма исторического бытия. А под всем этим нарастающий тревогой, смятением и вместе с тем смутными, но глубокими предчувствиями неотвратимого Конца и назревшего грядущего Начала исполненная, больная, воспаленная душа утратившей всякое равновесие современности.

В этой обстановке, точно опрокинув все века прошлого, точно отвергнув, забыв себя — чтобы раздвинуться до всего, чтобы слиться и отождествиться со всеми, выступает в новом, еще зловещем, облике на всемирно - исторические подмостки Россия — в своем самоотрицании двоящаяся, троящаяся, множащаяся, в пространства и века раздвигающаяся, все обнимающая Великая Мать.

Сгустив краски всего вышесказанного до возможных пределов, мы все это должны в особенности сказать именно о России — сегодняшней и еще больше, завтрашней и послезавтрашней, ибо она теперь тот новый всемирно - исторический центр,

куда сходятся и откуда изойдут все **Концы современного и Начала** идущего ему на смену **будущего мира**. Отсюда вся ставшая значительность русской проблемы, отсюда возрастающее внимание, которое она концентрирует на себе.

*
**

Делая здесь попытку хоть частичным и предварительным образом разобраться в нашей, ставшей столь актуальной, национальной судьбе, я, само собой разумеется, не стану к ней подходить хоть скольконибудь всесторонне. Задача наша вообще, что касается проблем русского мессианизма, заключается в том, чтоб не столько решать, сколько настойчиво ставить относящиеся сюда вопросы. В частности здесь я, кроме того, намеренно сообщу вопросам о дальнейшей судьбе России ту искусственно - одностороннюю установку, которая в таком виде обща у нас со многими традиционными русскими направлениями, но от которой мы приходим к диаметрально противоположным выводам: мы — к настроенности бодрости и веры в судьбы высшие России, они — к настроенности упадочничества, безверия и пессимизма.

Общим для нас является убеждение в катастрофизме положения России, с той разницей, пожалуй, что мы в этом убеждении идем дальше; мы последовательнее, смелее. Смелее, надо думать, потому, что мы — дети этих исключительных, разверзающих все исторические ограниченности, событий, видим за мрачной завесой катастрофического положения то, что не дано видеть им, носителям взорванной и испеленной жизни. Мы — мессианисты. Мы верим в такие возможности раскрывающиеся в судьбе России, перед которыми оторопееет филистерская мысль представителей различных наших традиционных направлений. И в то же время нет более крайних "пессимистов", чем мы. Мы утверждаем предельный глубокий трагизм положения. Мы видим бездну, над которой, историей пришпоренная, Россия взвилась и в то же время мы видим те всемирно - исторические высоты, к которым она предназначена.

Повторяю — в убеждении катастрофичности положения — мы в некотором смысле смелее и последовательнее. После-

довательнее в частности потому, что мы в оценке русских событий не провинциалы — в культурно - историческом смысле. Мы видим настоящие размеры этих событий. Россия переживает кризис, который лишь мелкие и ограниченные умы могут замыкать ее границами. Кризис России есть всемирно - исторический кризис, кризис всей современной цивилизации, но в ней он лишь нашел свое предельно актуальное выражение. В современном мире Россия — рок его. Она концентрированное выражение кризиса его и возможная сила его преодоления. Средоточие всех концов отживших культурных форм и начал форм идущих на смену, она в некий апокалиптический узел завязала в своей судьбе все исходы, пути и судьбы времени.

*
**

Подчеркиваю еще раз — я вынужден буду умолчать о всех тех положительных основаниях, на которых прежде всего покоится наше убеждение в особом высшем всемирно - историческом призвании России и удержать вопрос на той почве, которая обща у нас со многими современными политическими направлениями — на почве признания исключительного трагизма положения России. Что дает нам однако основания, несмотря на это признание, говорить о мессианизме России? Предварительным образом я бы мог ответить, что помимо прочего весь известный опыт исторического развития. Мы верим в особые высшие возможности России, не несмотря на ее катастрофическое положение, а в некотором смысле благодаря ему. И вот почему.

Нельзя указать ни одного сколько нибудь значительного исторического дела, события, возникновения, которое бы не обуславливал трагизм предшествующего положения. Я приведу ряд примеров: Христианство, открывшее собой эру современной Западно - Европейской культуры, возникло среди разложения и заката античного мира. И для чутья сколько нибудь исторически утонченного очевидно связь кризиса одного и зарождения другого. Гигантский порыв Возрождения, которым открывается новое время, исходит на закате средних веков из состояния упадка и вырождения этой эпохи. Само понятие "возрожде-

ние" указывает на свою соотносительность с предшествующим ему состоянием какого то вырождения. По существу "возрождением" является всякое значительное историческое свершение, потому что всегда условием его является состояние упадка, вырождения, падения предшествовавших форм жизни. Дальше — все великие революции — эти фейерверки масс, освещающие столетия — английская, французская, русская, — подымались из состояния предельного разложения, упадка старых форм жизни. Достаточно вспомнить положение Франции, Англии, России накануне их революций. Социализм, являющийся значительнейшим общественно - политическим движением нашего времени, зародился в период самого ужасного положения того класса, для которого он затем стал знаменем. Фашизм возник в том состоянии Италии, когда она была накануне развала и банкротства. Мы не могли бы указать ни одного значительного явления истории, которое бы не обусловлено было предшествовавшим ему исключительно тяжелым положением. Наполеон, Жанна д'Арк, Кромвель, Юлий Цезарь, Лютер, Петр Великий и др. — все это произведения критически напряженных моментов истории. Есть поговорка: "война рождает героев", война, то-есть одна из величайших трагедий народов. И такова общая зависимость: — лишь исключительные трудности создают великое: великих людей, великие идеи, события и дела. — Лишь в великой трагедии рождается великое. Ни одна революция, ни одно значительное общественное преобразование, ни одно движение не исходило из благополучия, полноты, устроенности, удовлетворенности, а наоборот, всегда обуславливались тяжелым предшествующим положением. Вот еще пример: огромное движение Реформации и Протестантизма произошло из разложения средневековой католической церкви. Напряженное время реформ и преобразований наших 60-х годов ближайшим образом обуславливалось тем положением страны, завершением и последствием которого явился крах в Крымской войне 1853-56 гг. Великая Петровская революция, выведшая страну на радикально новые пути государственного и культурно - исторического развития, была выведением из положения полного тупика — хозяйственного, политического, административного, духовно - культурного, в который Россия

сползала в ходе своего предыдущего развития. Петровская революция в более отдаленной исторической перспективе — лишь запоздалый ответ на Смутное Время, которое не было внутренне преодолено с воцарением первых Романовых. Также точно лишь в виду явно надвинувшегося призрака гибели России вспыхнул массовый стихийный героизм сподвижников Минина и Пожарского. А позже безпримерный в истории по массовости всенародный подвиг 1812 г. — вышел из надвинувшейся страшной угрозы Наполеоновского нашествия. И т. д. Можно было бы еще продолжать список такого рода примеров. И давно подмечена какая то связь между творческими явлениями и скорбной, порождающей их психологической средой. Тенью грусти овеяны все великие создания, как и их творцы. И в существе своем творчество трагично. Печать трагизма лежит на облике всех великих людей, народов и эпох. Именно таким из всей истории своей и особенно последней вырисовывается и облик России. Такова же по существу своему психологическая атмосфера всех критических катастрофических эпох.

Чем же объяснить эту противоречивую соотносительность трагизма положения, с одной стороны, и величия ему культурно - исторически соответствующего явления — с другой? Объясняется она очень просто. Объяснение коренится в диалектической логике необходимости. Чтоб нечто великое могло осуществиться, нужно столь же великое напряжение сил. А для этого нужна предельная необходимость, такое напряжение сил мобилизующая. Катастрофические моменты в жизни народов это в то же время те моменты, которые требуют и вызывают предельное напряжение их сил, мобилизацию всех их способностей. Силы народа в потенции в известном смысле неограничены, пока он не вступил еще в стадию старческого, упадочного состояния. Это в особенности верно в отношении великих одаренных народов, каковым в нашем случае совершенно несомненно является русский народ. И когда в истории таких народов встает великая необходимость их судьбы, вопрос их жизни и смерти, инстинкт самосохранения мобилизует все их силы, напрягает все способности и преодолевая катастрофизм своего положения, они тем самым творят великое. Надо сделать нечто огромное, чтоб преодолеть современный глубокий

культурно - исторический кризис России. Это огромное тем самым будет всемирно-исторически значительным. Трагизм положения актуализирует, мобилизует, приводит в движение все дремлющие в обычное время силы, на которые способен народ; тогда он в напряжении всех своих возможностей встает во весь свой рост, приводя в действие все, на что он способен, таким образом выявляя исторически все те потенции, которые в нем были заложены. Из довольства, удовлетворенности, благополучия проистекает лишь покой, самодовольство, приводящее к тупости, застою, отсутствию борьбы. Это верно как в отношении отдельных людей, так и в отношении народов. Состояние благополучия освобождает напряжение, делает ненужным активность, деятельность. В этом одна из причин почему господствующие классы общества обычно заканчивали вырождением и упадком, почему народы, достигнув относительно высокого уровня благосостояния, приостанавливались в своем развитии и часто шли назад. Как всякая способность вообще в бездействии не только остается не выявленной, но и атрофируется, так атрофируется, мельчает, гложет и народ, находясь в состоянии исторической пассивности. И наоборот, силой обстоятельств народ вызванный к исторической активности, напряжению, в таком состоянии напряженной действительности растет, удесятеряться в своих силах. Потому то мы одобряем "святую" неудовлетворенность и бичуем самодовольство, успокоенность, удовлетворенность. Возникновения, создания, нахождения возможны лишь там, где есть потребности, искания, стремления, где нуждой движется и вызывается усилие, где недостаток, неблагополучие повелевают приобретать и создавать. Следовательно, движет, творит историю необходимость, нужда, тягостность положения. И если малая необходимость вызывает незначительные проявления активности, то чем необходимость больше, тем значительней те свершения, которые вызываются к ее удовлетворению. Когда то Лассаль досадовал на отсутствие достаточного роста потребностей у рабочего класса. Он понимал, что без наличия растущих потребностей — этих движущих сил — невозможен и рост движения. История это сплошная цепь задач, за которыми следуют их разрешения, которые и составляют собой содержание культурно - истори-

ческого творчества; но разрешения не давались бы, если бы не ставились задачи. Подвиги Жанны д'Арк, Минина, Гарибальди и др. не было бы, если бы не было спроса на них со стороны истории. Как и в хозяйственной жизни, в историческом развитии, очевидно, также спрос рождает предложение. Самое понятие великого свершения — героизма, подвига, изобретательности, напряжения — предполагает наличие вызывающей их и делающей их нужными трагедии положения, опасности, необходимости. Без этих последних они не только невозможны, потому что нечему их вызывать, стимулировать, но и не нужны. Как инстинкт самосохранения вне грозящей опасности спит и остается скрытым, так в состоянии благополучия народы и классы впадают в дремоту, в пассивность. Лишь в моменты таких великих трагедий, как войны, революции, из недр народных масс начинает бить пламя героизма, подвига, изобретательности. В такие моменты жизнь выходит из своего обычного состояния обывательской упорядоченности, покоя, монотонной одноцветной повседневности, под покровом которой безмятежно спят силы, творчество, деятельные стихии. Скрытыми возможностями своими жизнь тогда прорывается во вне, выходит на поверхность, удесятеряясь, напрягаясь, заражая. Взволнованность, взвинченность, тревога охватывает все. Появляются действующие, до того никому, в том числе и самим себе неизвестные люди; множатся события, дела, цели, попытки. Все приходит в движение, в стремление, в страдность. Наступает точно момент испытания того, на что данный народ, лицо, общественные направления способны.

Необходимость есть основная, движущая сила, демиург истории. От нее идут все изобретения, создания и достижения человеческих усилий. Для того, чтоб жить, существовать были созданы эти горы ценностей культуры, богатств, которыми окружил себя человек. И люди трудятся, ищут, борются, создают прежде всего потому, что это необходимо. Всякая цель предполагает какую то неудовлетворенность, неполноту, а без цели не может быть никакой деятельности, никакого достижения. И поскольку бытие есть "царство целей", постольку оно значит есть царство нужды, неудовлетворенности, необходимо-

сти. Таким образом лишь великая необходимость может вызвать великое, героическое усилие и лишь такое великое усилие создает соответственное значительное осуществление.

К чему же апеллирует, на что воздействует принудительная мобилизующая сила необходимости? — К величайшей и центральной силе внутри нас, внутри народов, культур и государств, к могущественнейшему и все силы объединяющему инстинкту, инстинкту самосохранения, жизни. В уголовно правовом распорядке лишение жизни есть мера высшего предельного наказания и следовательно, мера высшего предельного принуждения. В критические эпохи история в отношении народов являющихся средоточием таких эпох, обращается именно к такого рода мере принуждения, она грозит им смертью, т. е. апеллирует к величайшей побудительной силе их самомобилизации. Под такого рода мерой принуждения поставлена современная Россия. Она должна во всем возродиться, чтоб не умереть, стать великой, чтоб не стать ничем.

Но положение еще усложняется и раздвигается характером обстановки, в которой разыгрывается наша национальная трагедия.

Самой значительной и несомненной мыслью в нашем контексте будет сказать, что русская революция явилась концентрированным, предельно актуальным, катастрофическим выражением кризиса всей современной цивилизации. В этом коренится трагизм нашего положения, относительно действительности которого мы теперь сходимся все. Мы в этом, повторяю, лишь последовательнее и, так сказать, историчнее, потому что рассматриваем все это в глубокой всемирно - исторической связи. В предполагающихся здесь положениях наших взглядов на всемирно историческое развитие, излагать которые здесь не приходится, мы утверждаем критический, переходный катастрофический характер переживаемой мировой эпохи. Отсюда вся экстраординарность, экстремизм наших суждений и предлагаемых мер, отсюда теория "осадного положения", на которое морально - политически должен быть взведен мир и в первую очередь Россия. В этом отношении наше время представляет аналогию эпохи падения античного мира. Такое уподобление, как известно, не ново. В последнее время его еще

раз блестящим образом повторил Шпенглер в своей нашумевшей книге "Закат Европы". И действительно, совокупность многочисленных фактов и характеристик поразительным образом сближают эти две эпохи. И Шпенглер глубоко прав — кризис античного мира — ключ в руках историка для уяснения кризиса современности. Вне признания критического, переходного, катастрофического характера наступившей эпохи нельзя понять во всей всемирно - исторической значительности последних основ кризиса современности, а тем более нельзя понять великих событий переживаемых Россией, которая, как сказано является средоточием, сгущением, узлом этой экстраординарной эпохи. Но каждая критическая переходная эпоха по самому понятию своему являет в себе две полярно противоположные стороны. Она — **Конец всех концов** — с одной стороны, и — **Начало всех начал** — с другой стороны. Место скрещения предельного падения и восхождения, узел, в котором завязываются все величайшие проблемы мира. В таком смысле коммунизм не **начало** каких то новых культурно - исторических форм, он **лишь конец** современного культурного мира. Он тот прорвавшийся гнойник, который вобрал в себя всю грязь, все элементы пошлости, разложения, смерти, которыми столь насыщен современный мир, и лишь как болезнь, отрицательным образом показал, в чем надо искать здоровье, исход из наступившего кризиса. Отсюда исходит роковое заблуждение некоторых групп евразийцев, состоящее в том, что они последнее слово старого мира приняли за первое слово нового мира, смерть приняли за рождение. "...Это точь - в точь, как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века ! Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхность... и сами будут проситься войти в свиней" ("Бесы", Достоевский). Именно. И в частности — надо чтобы бесы разрушения, смерти вышли из всего, что имеет облик величия, красоты, могущества, правды и вошли в "свиней", — тогда силой высшей исторического свершения они будут низ-

ринуты в "море". Это и происходит в Великой Русской Революции, где роль этих свиней выполняет коммунистическое воплощение революции. Ведь большевизм с его материализмом, интернационализмом, атеизмом, экономизмом и пр. — это явление нашего города, который по своему духовно - культурному существу является, пожалуй, в большей мере западническим, чем сама западно - европейская культура. Именно поэтому мы в утверждениях об особой культурно - исторической миссии России исходим из крестьянства — этой целинной, мощно - органической, подлинно самобытно - русской стихии, свободной от того западно - европейского духовного декаданса, лишь продолжением которого на новой территории является наш город — и "буржуазный" и "пролетарский".

Таким образом страшные великие события переживаемые Россией составляют лишь первую отрицательную сторону критической переходной катастрофической эпохи. Второй положительной стороной этой эпохи явится то, в чем большевизм найдет свое равновеликое преодоление. Величайший смысл уже пережитых нами событий в осуществившемся в них катастрофическом универсальном всебанкротстве. В них революция выполнила лишь свою обычную историческую функцию. Она разрушила, отвергла, смела все до основания старое и тем самым в основе своей разрушила и самое себя. Такова логика всех отрицательных революций во всеотрицании самоотрицающихся и во всеразрушении саморазрушающихся, ибо отрицание, разрушение и составляет их жизнь, смысл их содержания. То, что происходит в России теперь на наших глазах, это и есть состояние, когда от отрицания всего революция перешла к самоотрицанию, когда ее силы разрушения, разрушив все, обращаются на самое себя. Самоотрицание революции такого отрицательного типа есть ее естественный закон и вывод из ее последовательного развития. Так все вокруг себя зажигающее пламя потухает само, когда зажигать больше нечего. И революция сделала свое дело — она разрушала то, что исторически разрушению подлежало; творить — это не ее дело. Это дело тех, кто вызванный ею, придет ей на смену, и теперешнее Сталинское левое неистовство ни что иное, как искание дела для революции, в действительности уже выполнившей свое назначение, искание дела по-

тому что иначе революция потухнет, не имея чего зажигать, разрушит самое себя, не имея больше предмета разрушения. Из подобного состояния безпредметности разрушения стихии французской революции нашли исход во вне границ — в безконечных Наполеоновских войнах, которые были лишь особой формой продолжения во вне страны революции, которой нечего было делать внутри страны. Имеются все основания ожидать, что к такому исходу обратится и русская революция, которой также больше нечего делать внутри России. Все, что было сгораемо, тленно — сгорело; все, что было исторически рушимо — разрушено... Русская революция — величайшая из революций, какие знал мир, поэтому и осуществленное ею отрицание — величайшее из отрицаний. Изобличено все. Изобличено, обанкротилось в страшном испытании все до основания старое и все без остатка, что казалось новым и было на самом деле лишь отрицанием старого. И встает во всей исторической грандиозности всепокоряющая неотвратимая необходимость и воля к новому — к подлинно Новой Земле и Новому Небу; необходимость и воля к Всеутверждению, обуславливающаяся и вызывающаяся свершившимся в большевизме всеотрицанием. Так из всеотрицания, в аспекте которого двигалась вся революционная русская жизнь, Россия вступает в положительный аспект Всеутверждения в восходящей пореволюционной жизни. Мы несем идею этого Всеутверждения. Стихии жизни там, где они не истощены, где не опустошен еще культурно - исторически данный народ, стремясь к своему осуществлению, необходимо ищут форм для такого осуществления. И когда старые формы отвергнуты, разрушены, они для этого вынуждены творить новые. Культура прежде разрушается и лишь потом на ее месте создается новая, — не только в силу своеобразного закона непроницаемости, но прежде всего в силу того, что новая культура должна стать необходимостью, чтоб быть вызванной к жизни творческими усилиями. Не потому старое умирает, что рождается новое, а потому и рождается новое, что старое умирает. Вот почему все переходные эпохи от одного цикла к другому неизбежно сопровождаются некоторым временным провалом в варварство — внутреннее (большевизм) или внешнее.

Вставшая перед Россией необходимость новых форм жизни есть по смыслу своему необходимость всемирно - исторического порядка, поскольку наш кризис есть действительно актуализация, сгусток всемирно - исторического кризиса, поэтому и ее разрешение будет разрешением такой же всемирно - исторической значительности.

Спасая себя, Россия спасет мир, указывая ему новые пути, раскрывая пред ним новые возможности. В этом значительнейшая установка соотношений времени. На необъятных просторах великого народа поставлено всемирно - историческое: "быть или не быть". Повторяю, большевизм лишь отрицательная сторона этой постановки. Мы подыдем ее положительную сторону. Поэтому не смутили, не растеряли нас свершившиеся гибели и потрясения. Дети этих всеразверзающих, всеосуждающих времен, накаленные и взвинченные их огнем и потрясениями, мы ощущаем всю историческую необычность и исключительность переживаемого великого момента. Глухонемое при этом отношении к смыслу свершающегося в России со стороны Запада говорит лишь о том, что нерв всемирной истории, ее душа находятся уже не в его участке. От сих пор он в России — в стране, которая по самой своей крайностной максималистской природе как бы призвана все заканчивать и все начинать. В сегодняшней большевицкой России как бы конденсировались все элементы современного всемирно - исторического кризиса. В мире, где так много вины, зла, преступления, смерти, она явилась как бы жертвой искупления всех этих современных язв, противоречий, безысходностей, тупиков и поэтому именно здесь должна и может заняться заря новой жизни, здесь, где больше всего выстрадали и претерпли, где в наибольшем разувверились и потеряли, где познали все глубины зла, отрицания, борьбы; где взбаломучены, встревожены, пробуждены все высшие и низшие силы, страсти, чувства и мысли великого народа. "Христос — величайший человек, говорит О. Вейнинггер, так как он мерился силами с величайшим противником". Тоже можно сказать про русский народ, познавший таких размеров зло, такую силу и глубину отрицания, противника таких размеров, что его возрождающийся дух граничит уже с каким то всеведением, с нравственным всемогуществом. Свет тем ярче, чем

темнеет тьма, лишь в сопоставлении с ничтожеством великое выступает во всем своем величии, — поэтому лишь народ познавший великое отрицание, способен к столь же великому Утверждению. — Лишь со дна бездны видна вся недосыгаемость вечной Высоты. “Кто одержал полную победу над самым могучим сомнением, тот является самым верающим человеком, кто поднялся над безнадежнейшим отрицанием, тот есть человек самого положительного утверждения” (О. Вейнингер). Это еще в большей мере верно в отношении народа. И тут простая зависимость — величие победителя измеряется размерами побежденного. Тот наиболее может, кто наиболее преодолел.

Но необходимость, чтоб вызвать к жизни какое либо великое свершение должна встретиться с соответственными потенциальными творческими возможностями. Поэтому современный культурно - исторический кризис и необходимость новых форм жизни, как его преодоления предполагает новый народ, по своим творческим потенциям способный вывести на новые пути, иначе необходимость обращенная к народам материалистически опустошенным, духовно импотентным, останется не осуществленной. Отсюда — в современных условиях всемирно - историческая миссия России, единственная надежда возможного возрождения и преображения человечества. В ней великая необходимость встречается с великими возможностями, заданная цель с данными средствами.

Нам, конечно, хорошо известно, что в современной России, больше чем когда бы то ни было, широко разливается всюду смрадная стихия оголенной обывательщины, упадочничества, разложения. Но ведь, как выше указывалось, также было и накануне зарождения вместе с христианством современной западно - европейской цивилизации и всех вообще больших всемирно - исторических свершений. В этом то и состоит прежде всего катастрофизм положения России, от которого мы отталкиваемся в нашей мессианской установке. В этом и выражается кризис всех старых форм жизни, в своем распаде развязывающих всю грязь, всю низшую стихию человеческого существа. Но наряду с этим, в качестве воплощенного инстинкта самосохранения, в качестве положительного противодействия равного в данном случае отрица-

тельному действию, зреет и нарастает волевое мощное ощущение экстраординарной заданностью, заряженное осознанной, актуализирующейся в нем великой всемирно - исторической необходимостью, активное меньшинство, которое ведь и является всегда ведущей и движущей силой истории. И мы — один из кадров этого, актуальность великого момента воплощающего меньшинства, среди захлестывающей все, мертвящей упадочнической стихии, не ощутим себя беспомощными “человеками за бортом”. В тяжелые моменты жизни народов вообще и в переходные критические катастрофические эпохи истории человечества в особенности, две полярно противоположные категории людей живут бок - о - бок, воплощая в себе две диаметрально противоположные стороны таких эпох — отрицательную сторону упадочничества, разложения, смерти предыдущей культурно - исторической формации и положительную сторону возрождения, подъема, потуг рождения новой высшей культурно - исторической формации. Такие две категории людей — явление крайне характерное и для современной России. Это, с одной стороны, упадочники, пошляки, выпотрошенные и опустошенные души — отвратительный гнилостный продукт обреченной отходящей жизни. Их назначение одно — разложиться, тлетворным смрадом своим дунуть в лицо вечно возрождающей силе жизни, и, явив своим обликом разложения внутреннее неблагополучие, глубокий недуг времени, пробудить, вызвать к всеобликации все творческие, положительные силы народа. Такова категория людей, воплощающих отрицательную сторону критической эпохи. Им противостоит категория людей, воплощающих положительную сторону этой эпохи. Это то нарастающее, исполненное ощущения высшей актуальности, заданности всемирно - исторического момента меньшинство, о котором я говорил выше. При этом надо иметь в виду, что сказанное насчет разложения, происходящего там, в сегодняшней России, относится лишь к нашему, морально и материально безнадежно обанкротившемуся буржуазно - капиталистическому и пролетарско - коммунистическому городу — носителю и представителю западно - европейской цивилизации у нас, но не распространяется на необъятный резервуар могучих, органических, юных творческих стихий нашего

многомиллионного крестьянства. Поэтому я утверждаю, что к исполнению своего всемирно - исторического предназначения Россия может прийти лишь через свое крестьянство — свою подлинно самобытную нетронутую силами разложения упадочной цивилизации города и притом подавляющую часть своего населения. Впервые лишь теперь раскрывается во всей своей значительности смысл Герценевской формулы: “мужик — человек будущего России”. Отсюда и потому мы в известном смысле — “народники”. Но мы также и мессиянисты. В всеутверждающем синтезе, призванном в произвольном и органическом самонарастании творчески вместить и претворить все положительное, ценное, что завещает человечеству заканчивающийся цикл всемирно - исторического развития, надлежит стремиться объединить в нарастании этого Синтеза и все наши выдающиеся движения и направления—западничество и славянофильство, старое народничество и все, что есть живого, ценного в прочих наших движениях и направлениях.

Мы, представители пореволюционных течений, несем мир партиям, движениям и направлениям, Идею - Синтез — всевещающую, всеутверждающую, всепримиряющую. В мире раздробленном, атомизированном, живущем мертвыми силами ненависти, взаимоотталкивания, распада, разложения, Россия призвана осуществить универсальный культурно - исторический Синтез, который, вобрав, творчески примирив и согласив все ценности, идеи и силы и устремления груды распадающейся, рассыпающейся цивилизации, в нем открыть новый всемирно - исторический цикл, дать первоосновы новым высшим формам жизни. Но осуществлением такого синтеза будет его нарастание. И теперь все дело в том, чтоб найти формулу намечающую пути этого нарастания, мобилизовать все силы способные его нести, вызвать и актуализировать соответственное движение и атмосферу.

П. Баранецкий.

ОТ РЕДАКЦИИ: В виду исключительной важности для всех пореволюционных течений темы о мессиянизме, Редакция сочла возможным, в порядке исключения, поместить настоящую статью, — несмотря на превышение ею принятых в журнале размеров.